

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 3, pp. 434–446, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-434-446

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 316.4: 061.3 (517.3)(09)
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-434-446

Первый Конгресс монголоведов-филологов в Улан-Баторе (1959 г.) в идеологических контекстах Холодной войны

Татьяна Ивановна Юсупова¹

¹ Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (д. 5, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-0230-5871. E-mail: ti-yusupova[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Юсупова Т. И., 2024

Аннотация. *Введение.* В сентябре 1959 г. в Улан-Баторе состоялось знаковое для монгольской науки мероприятие — Первый международный конгресс монголоведов-филологов. Его целью являлось продвижение монголоведных исследований и укрепление контактов ученых, специализирующихся на изучении Монголии. Научный форум собрал участников из многих стран, в том числе разделенных железным занавесом Холодной войны. *Цель статьи* — рассмотреть подготовку и проведение Конгресса с акцентом на ранее не затрагиваемых идеологических контекстах его работы и значении для укрепления советско-монгольских научных связей. *Материалы.* Статья базируется на документах Архива РАН (Ф. 681) и публикациях участников Конгресса из СССР, Великобритании и США. *Результаты и выводы.* Исследование показало, что организаторам Конгресса было важно, чтобы в ходе его работы не возникло политико-идеологических разногласий между представителями разных стран. Их вероятность монгольские ученые обсуждали в 1958 г. с Ю. Н. Рерихом в ходе его командировки в Улан-Батор. Комитет наук МНР при формировании списка приглашаемых ученых учитывал их политические взгляды и консультировался по этому вопросу с Академией наук СССР. Кроме того, в начале работы Конгресса делегации СССР, Монголии и Китая договорились не вступать в дискуссии между собой, чтобы продемонстрировать единство дружеских стран. Автор статьи приходит к выводу, что Конгресс в Улан-Баторе стал одним из первых научных мероприятий монголоведов периода Холодной войны с широким международным представительством ученых из стран, входивших в противостоящие блоки. Несмотря на опасения организаторов, Конгресс продемонстрировал главенство научного интернационализма. Имевшие место несколько случаев «политически окрашенных» разногласий не сказались на его работе как академическом

мероприятии. Конгресс также показал значительное расширение международных контактов Комитета наук Монголии на фоне сокращения научных связей с СССР, что косвенно ускорило принятие Академией наук ряда мер по их укреплению.

Ключевые слова: Первый Конгресс монголоведов, Холодная война, идеологические контексты, советская делегация, Ю. Н. Рерих, советско-монгольские научные контакты

Благодарность. Автор выражает искреннюю благодарность профессору Цэвэлийн Шагдарсурэну за внимание к работе и консультации.

Для цитирования: Юсупова Т. И. Первый Конгресс монголоведов-филологов в Улан-Баторе (1959 г.) в идеологических контекстах Холодной войны // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 434–446. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-434-446

The Congress of Mongologists-Philologists In Ulanbaatar (1959) in the Ideological Contexts of the Cold War

Tatiana I. Yusupova¹

¹ St. Petersburg Branch of S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the RAS (5, Universitetskaia emb., 199034 Saint Petersburg, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0003-0230-5871. E-mail: ti-yusupova[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Yusupova T. I., 2024

Abstract. Introduction. In September 1959, a landmark event for Mongolian science — the First International Congress of Mongologists Philologists — took place in Ulaanbaatar. Its aim was to promote Mongolian Studies and strengthen contacts between scholars. The forum brought together researchers from a number of countries, including those having been separated by the Cold War Iron Curtain. *Purpose.* The article is to examine the Congress preparation and holding, focusing on previously untouched its ideological contexts. The article is based on the *materials* from the Russian Academy of Sciences Archives and publications of Congress participants from the USSR, the UK and the USA. *Result and conclusions.* The study showed that it was important for the Congress organizers that political and ideological disagreements between representatives of different countries did not arise during its work. Mongolian scholars discussed their probability in 1958 with Yu. Roerich during his business trip to Ulaanbaatar. When forming the list of participants in the Congress, the Mongolian Committee of Science took into account the political views of scientists and consulted with the USSR Academy of Sciences on this issue. In addition, at the beginning of the Congress, the delegations of the USSR, Mongolia and China agreed not to enter into discussions among themselves in order to demonstrate the unity of friendly countries. The author concludes that the Congress in Ulaanbaatar was one of the first scientific events of Mongolian Studies during the Cold War period with a broad international representation of scholars from countries belonging to the opposing political blocs. Despite the organizers' concerns, the Congress demonstrated the leadership of scientific internationalism. Several cases of «political-tinget» disagreements did not come to the forefront of its proceedings. The Congress also demonstrated a significant expansion of international contacts of the Committee of Science and at the time the weakening of Soviet-Mongolian scientific links.

Keywords: First Congress of Mongolian Studies, Cold War, ideological contexts, Soviet delegation, Yu. N. Roerich, Soviet-Mongolian scientific contacts

Acknowledgments. The author expresses his sincere gratitude for his attention to the work and consultations to Professor Tseveliin Shagdarsuren.

For citation: Yusupova T. I. The First Congress of Mongolian Philologists in Ulaanbaatar (1959) in the Ideological Contexts of the Cold War. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (3): 434–446. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-434-446

1. Введение

Конгресс монголоведов-филологов («Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтэний Анхдугаар их хурал»), который состоялся 1–8 сентября 1959 г. в Улан-Баторе, стал первым крупным международным научным мероприятием в Монголии. Значение Конгресса для развития монгольской гуманитарной науки и ее вхождения в мировое научное сообщество, а также культурного имиджа страны трудно переоценить¹. Кроме того, Конгресс стал одним из первых научных мероприятий монголоведов в социалистической стране в острый период Холодной войны с широким международным представительством исследователей из стран, входивших в противостоящие блоки.

Работа Конгресса нашла отражение в целом ряде публикаций его организаторов [Ринчен 1959; Ринчен 2009] и участников, в том числе из СССР, Великобритании и США [Дворянков 1960; Рерих 1960; Санжеев 1960; Bawden 1960; Rupen 1960a; Posch 1960]. В дальнейшем внимание к научному мероприятию было связано с юбилейными датами его проведения. В 1989 г., к 30-летию Конгресса, опубликованы статьи Ш. Биры, Д. Цэгмида и П. Аалто [Bira 1989; Tsegmid 1989; Aalto 1989] в Бюллетенях Международной ассоциации монголоведения. К 50-летию юбилею форума в Монголии вышел в свет сборник [Бира, Пүрэвжав 2009], в котором представлен ряд документов о его подготовке, собраны публикации и воспоминания участников из СССР (Ю. Н. Рерих, Г. Д. Санжеев), Великобритании (Ч. Боуден), Венгрии (К. Урай-Кёгельми), Китая (Чингелтей, Вэн Дуцзянь), Польши (С. С. Калужинский), Японии (Ш. Озава), Монголии (Б. Ринчен, А. Лувсандэндэв, Г. Ринченсамбу), а также статьи монгольских исследователей по истории Конгресса. В дополнение к этой книге в 2019 г. издан фотоальбом [Шагдарсүрэн 2019]. Прекрасно подобранный фоторяд иллюстрирует работу Конгресса, дает представление о его участниках, их общении и мероприятиях научного форума. Отдельные документальные свидетельства о Конгрессе приведены в книге, посвященной одному из его инициаторов, видному монгольскому ученому Б. Ринчену [Ринчен 2016: 58–70].

В указанных публикациях дана высокая оценка организации и научной значимости Конгресса. В то же время ряд авторов отметили несколько возникших в ходе его работы политико-идеологических противоречий между учеными [Дворянков 1960: 65; Rupen 1960a: 237; Bawden 1960: 128]. Данная статья ставит целью рассмотреть на документах Архива РАН (Ф. 681. Оп. 1 — Материалы о Первом Конгрессе монголоведов; Ф. 681. Оп. 3 — Отчеты советских ученых о

¹ Так, например, американский историк Р. Рупен в аналитической статье о развитии Монголии в 1957–1960 гг. выделил три значимых, по его мнению, события в стране в эти годы: Гоби-Алтайское землетрясение в декабре 1957 г., перестановки в правительстве (significant governmental purge), проведенные Ю. Цеденбалом в ноябре 1958 г. – марте 1959 г., чтобы сосредоточить власть в своих руках, и Первый международный конгресс монголоведов-филологов в Улан-Баторе [Rupen 1960b: 126–127].

командировках в МНР) и публикациях участников Конгресса из СССР, Великобритании и США подготовку и проведение Конгресса с акцентом на ранее не затрагиваемых идеологических контекстах его работы, реакцию советских и зарубежных ученых на возникавшие «политически окрашенные» инциденты и их причины, а также влияние Конгресса на укрепление советско-монгольских научных связей.

Важное значение при написании статьи имели отчеты в Академию наук о поездках в Улан-Батор Ю. Н. Рериха (в 1958 г.) и Н. А. Дворянкова (в 1959 г.). Эти документы содержат ценные сведения о подготовке и работе Конгресса и о советско-монгольских научных контактах на тот момент, основанные на личном восприятии их специфики и проблем в условиях глобального противостояния двух политических систем. В ходе исследования для сравнения рецепции Конгресса участниками из Советского Союза и западных стран были использованы обзоры о его работе советских ученых и их коллег из Великобритании (Ч. Боуден) и США (У. Пош и Р. Рупен). Полагаем, что вводимые в научный оборот архивные материалы, а также публикации западных исследователей дополняют и уточняют известные факты о Конгрессе, осветят особенности функционирования советского и монгольского научных сообществ в идеологических контекстах периода Холодной войны.

Для понимания последующих событий обратимся к отчету о командировке в Улан-Батор сотрудника Института востоковедения Академии наук СССР, индолога и тибетолога Ю. Н. Рериха (1902–1960), состоявшейся за год до Конгресса, в котором он отметил присутствовавшую у его организаторов озабоченность вопросами идеологического характера.

2. Политическая благонадежность участников

В отчете, представленном в Академию наук по возвращению из Монголии, Ю. Н. Рерих детально осветил свою поездку, поделился впечатлениями о музеях, библиотеках и состоянии гуманитарной науки в Монголии [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 9–15], отразил встречи с коллегами. Из бесед с руководством страны и с ведущими монгольскими деятелями науки у Ю. Н. Рериха сложилось впечатление, что «в кругах партии» и среди ученых наблюдается «некоторое беспокойство» ослаблением связи с советскими монголоведами. В то же время на Западе и в США значительно расширился интерес к Монголии. Ю. Н. Рерих выразил свою озабоченность таким положением дел. Он полагал, что этот процесс происходил иногда «под прямым руководством антисоветских кругов» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 13]. В этой связи монгольские ученые, отмечал Юрий Николаевич, предвидели на Конгрессе попытку Запада «вырвать первенство» у СССР в изучении Монголии, что имело бы, по их мнению, «крайне нежелательные последствия политического характера» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 13, 15]. Монгольская сторона, отмечал Ю. Н. Рерих, считала необходимым принять меры, чтобы сохранить «первенствующее положение» советского монголоведения [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 13], особенно актуальное на фоне углубления глобального противостояния стран социалистического содружества с западными государствами.

Организаторам Конгресса было важно, чтобы в ходе научных заседаний не возникло дискуссий политико-идеологического характера, чтобы предстоящий

форум, которому в Монголии придавали большое значение, стал именно научным событием. Поэтому при составлении списка зарубежных участников учитывались их политические взгляды, отношение к социалистической Монголии и ее тесным связям с СССР. Сложность с приглашениями усугублялась еще и тем, что некоторые авторитетные ученые-монголоеды обвинялись или подозревались в коллаборационизме или в тесных контактах с национал-социалистическим движением в ходе Второй мировой войны (Н. Н. Поппе¹, В. Хейссиг (Walther Heissig, 1913–2005)², Дж. Туччи (Giuseppe Tucci, 1894–1984)). Кандидатуры приглашаемых ученых Монгольский Комитет наук через посредничество Министерства иностранных дел обсуждал с Академией наук СССР.

Так, в конце апреля 1959 г. посольство МНР в Москве обратилось в Академию наук с просьбой высказать свое мнение о пяти зарубежных исследователях, среди которых были миссионеры Ф. Боберг и Гансен Гомес³, а также востоковеды Ф. Лессинг (Ferdinand Lessing, 1882–1961), Дж. Туччи и О. Прицак (Omeljan Pritzak, 1919–2006) [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 496. Л. 23]. Ответное письмо Академии наук было основано на краткой справке об этих исследователях сотрудника Института Востоковедения Г. Д. Санжеева. Советская сторона обращала внимание монгольских коллег на «политическую неблагонадежность» Ф. Лессинга («по своим <...> убеждениям является крайне правым. Выступает с клеветническими заявлениями по адресу Советского Союза» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 496. Л. 22]) и Дж. Туччи («был членом фашистской партии и пользовался ее покровительством», однако, «нам неизвестен как человек, выступавший против СССР или вообще с какими-либо политическими выпадами» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 496. Л. 22]). Что касается О. Прицака, то, как отмечал Г. Д. Санжеев, «политически он нам неизвестен, но состоит в лояльной переписке с советскими востоковедами» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 496. Л. 23].

В июле этого же года Посольство МНР направило в МИД СССР для представления транзитных виз список западных ученых, приглашаемых на Конгресс. Среди них были: американский востоковед У. Пош (Udo Posch, 1922–1965), английский историк Ч. Боудэн (Frederick Charles Bawden, 1908–1972), финский лингвист П. Аалто (Pentti Aalto, 1917–1998), канадский географ Д. Джексон

¹ Николай Николаевич Поппе (1897–1991) — профессор Вашингтонского университета (University of Washington) в Сиэтле; до войны — сотрудник Института востоковедения; в 1932 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1943 г. с оккупированной территории выехал в Германию, а в 1949 г. — в США. Подробнее см: [Алпатов 1996: 68–76].

² Ю. Н. Рерих в своем отчете выразил пожелание «проявить большую осторожность» с приглашением на Конгресс ученых, связанных с В. Хейссыгом, «ввиду его прошлого в национал-социалистическом движении в Германии» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 14, 15]. Тем не менее В. Хейссиг был включен в список приглашаемых ученых, направленный монгольской стороной в МИД СССР с просьбой выдать транзитные визы. Однако в числе участников Первого конгресса его не было. В. Хейссиг был приглашен и принял участие во втором Международном конгрессе монголоведов в 1970 г. и участвовал в последующих. В. Хейссиг с 1987 г. — почетный член и один из вице-президентов Международной ассоциации монголоведения; с 1994 г. — иностранный член Монгольской академии наук.

³ Фольке Бовберг (Folke Voberg, 1896–1987) — миссионер Шведской пятидесятнической церкви, писатель и лексикограф; автор монголо-английского и англо-монгольского словарей (по мнению Г. Д. Санжеева, для миссионерских нужд [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 22]). Кто такой Густав Гомес — установить не удалось.

(W. A. Douglas Jackson, 1924–2009), польский монголовед С. Калужинский (St. Kaluzynski, 1925–2007), немецкий историк П. Рачневский (Paul Ratchnevsky, 1899–1991) и другие [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 496. Л. 38]. Перечисленным ученым были предоставлены визы, и они приехали в Улан-Батор.

В своих публикациях Р. Рупен и У. Пош высоко оценили старания организаторов обеспечить достаточно широкое представительство ведущих специалистов-монголоведов, но при этом выразили сожаление отсутствием таких известных ученых, как Л. Лигети (Ligeti Lajos, 1902–1987), А. Мостэрт (Antoine Mostaert, 1881–1971), О. Притцак, Н. Н. Поппе, В. Хейсиг, Э. Хениш (Erich Haenisch, 1880–1966) и других [Rupen 1960a: 236; Posch 1960: 237], которые не смогли по разным причинам приехать или не были приглашены. Ч. Боуден также отметил, как весьма примечательный факт открытости Монголии, приглашение на Конгресс японских исследователей, учитывая, что он проходил в год двадцатилетия монголо-японского военного конфликта на Халхин-Голе¹ [Bawden 1960: 128].

Всего на Конгресс прибыло по информации разных авторов 26–28² зарубежных ученых из 14 стран: Великобритания (1), Венгрия (1), ГДР (4), Индия (1), Канада (1), Китай (5), Корейская Народная Демократическая Республика (1), Польша (1), Румыния (1), СССР (4 (5))³, США (2), Финляндия (1), Чехословакия (1), Япония (3).

В состав делегация от Академии наук вошло четыре человека: сотрудники Института Востоковедения АН СССР — глава делегации, тогда канд. филол. наук, специалист по языку пушту Н. А. Дворянков (1923–1979), филолог-монголовед, д-р филол. наук Г. Д. Санжеев (1902–1982), проф. Ю. Н. Рерих и сотрудник Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР (далее — БКНИИ СО АН СССР), канд. филол. наук Ц. Б. Цыдендамбаев (1915–1983). Пятым участником от СССР был У.-Ж. Ш. Дондуков, тогда канд. филол. наук, сотрудник БКНИИ СО АН СССР, но он не вошел в официальную делегацию Академии наук, приехал в Монголию по другим каналам.

В соответствии с практикой зарубежных командировок руководство Академии наук выдало директивные указания членам советской делегации. Им поручалось сделать доклады о достижениях советского монголоведения; установить связи с монголоведами стран народной демократии и капиталистических стран; проинформировать их о предстоящем в 1960 г. XXV Международном конгрессе востоковедов в СССР; познакомиться с организацией научно-исследовательской работы по изучению истории, монгольской филологии и экономики МНР [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 496. Л. 56].

¹ Вооруженный конфликт между советско-монгольскими войсками и Вооруженными силами Японии у реки Халхин-Гол на территории Монголии в мае-сентябре 1939 г.

² 26 участников указано в [Рерих 1960: 237]; 27 — в [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 4.] и [Posch: 234–237]; 28 — в [Rupen 1960a: 236] и [Bawden 1960: 127]. Пофамильные списки участников приведены в [Posch 1960: 234–237] и [Rupen 1960a: 236]. Разница в цифрах объясняется тем, что Р. Рупен [Rupen 1960a] и У. Пош [Posch 1960] указали в составе советской делегации пятого ученого — У.-Ж. Ш. Дондукова (но У. Пош не указал представителя Румынии, поэтому у него 27 участников). Ю. Н. Рерих и Н. А. Дворянков У.-Ж. Ш. Дондукова не назвали, поскольку он не вошел в официальную делегацию Академии наук.

³ См. предыдущую ссылку.

3. «Незначительные недоразумения» или «напряженная идеологическая обстановка»?

Конгресс открылся 1 сентября в зале Государственной публичной библиотеки Монголии. В Улан-Баторе впервые встретились ученые практически из всех стран, где проводилось систематическое изучение монгольской филологии и литературы, в том числе, разделенных железным занавесом. Несмотря на непростую геополитическую ситуацию форум прошел, как тогда говорили, «в атмосфере дружбы и взаимопонимания» [Дворянков 1960: 65]. Конгресс стал именно тем, чем он и должен был быть — академическим собранием, на котором ученые обсуждали результаты своих научных исследований. Имевшие место несколько «политически окрашенных» (political-tinget) моментов явились, по мнению Р. Рупена, лишь «незначительными недоразумениями» (minor disturbances) и не нарушили «фундаментальность» научного форума [Rupen 1960a: 237].

Однако руководитель советской делегации, в целом признавая дружескую атмосферу, тем не менее, был не склонен считать «политические недоразумения» в работе научного мероприятия незначительными. В отчете в Академию наук Н. А. Дворянков указал, что Конгресс проходил «в сложной и напряженной идеологической обстановке» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 4], причем напряженность для советской делегации, в его изложении, исходила не только от представителей недружественных стран, но и от участников из Монголии и Китая, поскольку в их докладах присутствовали отличные от принятых в советском монголоведении методологические подходы и интерпретации исторических событий.

Чтобы снять возможное противостояние по спорным вопросам, делегации СССР, Китая и Монголии договорились в ходе Конгресса «между собой в споры не вступать» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 8], поскольку их разногласия могли быть использованы в «пропагандистских целях», для подрыва дружбы социалистических стран [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 4–5]. Тем не менее несогласованные мнения на Конгрессе прозвучали. Так, видный монгольский филолог и писатель Ц. Дамдинсурэн (Цэндийн Дамдинсүрэн, 1908–1986) считал, что дифференция единой монгольской литературы началась лишь в начале XX в. — в то время как советские исследователи относили этот процесс к XIV–XVII вв. [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 6]. Другой крупный монгольский ученый Ш. Лувсанвандан (Шадавын Лувсанвандан, 1910–1983) в своем докладе причислил к диалектам монгольского языка бурятский и ойратский языки. В таком подходе руководитель советской делегации увидел приверженность докладчика идеям панмонголизма [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 6], официально осуждаемого тогда в СССР политического течения. Учитывая договоренность не вступать в споры, советская делегация, отметил Н. А. Дворянков, не пошла на открытое возражение против монгольской точки зрения [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 8].

Замечания к докладам Ц. Дамдинсурэна и Ш. Лувсанвандана были также у Ю. Н. Рериха и Г. Д. Санжеева, но в отличие от идеологической риторики Н. А. Дворянкова они высказали их в формате академической дискуссии. Ю. Н. Рерих ограничился общим мнением, что указанные выше утверждения монгольских ученых должны стать предметом дальнейшего критического анализа [Рерих 1960: 240]. Г. Д. Санжеев подробно аргументировал свое несогласие с Ш. Лувсанванданом по классификации монгольских диалектов [Санжеев 1960:

140]. Впрочем, он признавал, что в целом этот вопрос являлся дискуссионным для большинства монголоведов [Грунтов, Мазо 2015].

Обеспокоенность руководителя советской делегации вызывали также настроения одного из организаторов Конгресса, широко известного в научном сообществе монгольского ученого Б. Ринчена (Бямбын Ринчен, 1905–1977) [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 43. Д. 109]. Он отличался независимостью своих взглядов и непредсказуемостью поведения [Rupen 1964: 286–287]. Например, в своих публикациях после поездки в Европу он рассказывал, что «в этих странах много хорошего», чего нет в социалистической Монголии [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 27–37]. Б. Ринчен также смело выступал с резкой критикой советского идеологического давления на Монголию. Незадолго до начала Конгресса, в июле 1959 г., вышло осуждающее ученого решение Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии «О национализме Ринчена». Тем не менее он остался членом подготовительного комитета и одним из председателей Конгресса. У него были широкие международные связи, и именно он — «лидер интеллектуалов» МНР [Rupen 1964: 286–287], «ведущая неортодоксальная ... фигура» в стране [Rupen 1979: 77] — был центром притяжения для многих зарубежных монголоведов, откликнувшихся на предложение участвовать в Конгрессе.

Еще один острый момент для делегации Академии наук был связан с выступлением Р. Рупена (Robert Rupen, 1922–2015). Американский историк вспомнил трагическую судьбу одного из крупнейших ученых и организаторов науки в Монголии Ц. Ж. Жамцарано (1880–1942), который стал жертвой политических репрессий. Он был арестован в 1937 г. в Ленинграде и умер в заключении. В обращении Р. Рупена к жизни и деятельности Ц. Ж. Жамцарано советские ученые увидели желание сыграть на «националистических чувствах монголов» и бросить тень на советско-монгольские отношения. «Отповедь» Р. Рупену сразу же дал Г. Д. Санжеев, который заявил, что он не имеет права говорить о Ц. Ж. Жамцарано [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 8]. В публикации Р. Рупена также упомянут этот инцидент и приведены слова Г. Д. Санжеева [Rupen 1960a: 237]. По-видимому, именно этот случай Н. А. Дворянков имел в виду, когда писал в статье о Конгрессе, что имевшие место «отдельные выпады» против социалистических стран некоторых западных ученых, «еще не освободившихся от влияния Холодной войны, ... получили отпор и всеобщее осуждение» [Дворянков 1960: 65].

Следует сказать, что отношение членов советской делегации к Р. Рупену — ученику Н. Н. Поппе, — было изначально весьма подозрительное [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 14]. Одна из его первых работ по истории Монголии в XX в. «Mongolian Nationalism» [Rupen 1958a; Rupen 1958b] подверглась в СССР резкой критике за якобы тенденциозность и антикоммунизм как раз накануне Конгресса [Гольман 2004: 133–134].

Крайне настороженную позицию на Конгрессе занимала также китайская делегация [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 5]. Причиной напряженности был широкий общественный резонанс в мире вокруг начавшегося в Тибете в марте 1959 г. восстания за независимость от КНР. Ч. Боуден заметил, что представители Китая даже нашли «некий скрытый смысл» в докладе известного индийского монголиста Р. Виры (Raghu Vira, 1902–1963) об индо-тибетско-монгольских

связях в распространении буддизма [Bowden 1960: 128]. В подготовленном позже заявлении китайские ученые выразили протест индийскому коллеге, который, по их мнению, в докладе поставил Тибет и Китай на один уровень, обратив его внимание, что Тибет всегда был частью Китая [Rupen 1960a: 237; Бөхөө 2023: 117]. По наблюдению Ч. Боудена, это заявление было встречено «с явным отсутствием энтузиазма у всех присутствующих, как с Востока, так и с Запада» [Bowden 1960: 128] и не стало поводом для продолжения дискуссии явной политической направленности.

4. «Сложившаяся обстановка требует усиления научных связей между СССР и МНР»

Тематика большей части докладов, прозвучавших на Конгрессе, была лингвистического, а также литературоведческого и историко-филологического характера. Доклады отличались широтой поставленных проблем и глубиной их проработки. В публикациях такое мнение выразили все вышеназванные авторы, в том числе и руководитель советской делегации. Однако в отчете, т. е. для узкого круга, он отметил «абсолютное преобладание» в докладах тем далеких от современности, не связанных «с практическими задачами в области строительства социалистической культуры» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 11]. Это замечание, безусловно, носило формальный характер и отражало актуальность идеологической повестки единства теории и практики в научных исследованиях.

В качестве общего заключения о Конгрессе Н. А. Дворянков указал наблюдавшееся ослабление связи советских и монгольских монголоведов, в том числе и методологической. В некоторых монгольских докладах содержались, по его мнению, ошибочные положения, с которыми советская научная общественность согласиться не могла [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 7]. Речь шла и об упомянутых выше докладах Ц. Дамдинсурэна и Ш. Лувсанвандана. Сложившаяся обстановка, полагал представитель Академии наук, требовала усиления и расширения взаимодействия между СССР и МНР по линии гуманитарных наук [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 11]. Необходимость скорейшего решения этой проблемы увеличивалась на фоне продемонстрированных Конгрессом широких международных связей Комитета наук со странами Запада и США.

Вопрос о сокращении монголоведных исследований и идеологических недостатках в работе советских ученых был поставлен еще ноябре 1958 г. Посольством СССР в Монголии. Дипломатическое ведомство указывало на отсутствие анализа «коренных вопросов социалистического строительства в экономике и культуре», борьбы «с фальсификацией истории Монголии» на Западе, а также фиксировало другие замечания [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 15–17]. Обсуждение высказанных Посольством претензий прошло 7 июля 1959 г. на заседании Бюро Отделения исторических наук (ОИН), незадолго до начала Конгресса. В качестве одной из мер по изменению создавшейся ситуации Отделение предложило в 1959 г. организовать совещание представителей Академии наук и Комитета наук для обсуждения и согласования планов научно-исследовательских работ на ближайшие годы. Кроме того, Бюро Отделения считало необходимым продолжить когда-то активную экспедиционную деятельность в Монголии, в частности по историческим, лингвистическим, археологическим,

экономическим направлениям. С целью срочной актуализации монголоведения в СССР предлагалось увеличить количество поездок монголоведов в МНР в общеакадемическом плане зарубежных командировок и увеличить их продолжительность до нескольких месяцев и другие шаги [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 18–21]. Таким образом выводы Н. А. Дворянкова подтвердили уже известные проблемы в работе Академии наук на монгольском направлении и стали еще одним аргументом для скорейшей реализации намеченных ОИИ мер. Итогом широкой проработки вопросов советско-монгольского научного взаимодействия стало подписание в конце 1960 г. Соглашения о сотрудничестве Академии наук и Комитета наук на 1961–1965 гг. [Юсупова 2018: 251–277].

Несомненно, мы можем говорить лишь о косвенном влиянии Конгресса на укрепление советского монголоведения, тем не менее, можем утверждать, что продемонстрированные в ходе его работы успехи монгольской науки сыграли важную роль в этом процессе.

5. Заключение

Конгресс монголоведов в Улан-Баторе в 1959 г. стал еще одним подтверждением тезиса, что наука не может быть абсолютно аполитичной, она зависит от политического контекста, в котором функционирует [Wolfe 2018: 200–210]. Конгресс состоялся в самый разгар Холодной войны, и влияние глобального, в том числе идеологического, противостояния двух блоков стран с разным политическим устройством отразилось на его подготовке и проведении. Чтобы нивелировать вероятность возникновения каких-либо разногласий между учеными в ходе работы Конгресса, организаторы уделили большое внимание формированию списка приглашаемых западных участников. По этому вопросу Комитет наук МНР сотрудничал с Академией наук Советского Союза через посредничество внешнеполитических ведомств.

Широкое представительство ученых из стран, разделенных железным занавесом, определило научную значимость Конгресса. Несмотря на идеологические опасения организаторов и советской делегации имевшие место несколько случаев «политически окрашенных» разногласий в ходе обсуждения докладов не сказались в целом на его работе как научном мероприятии. Конгресс продемонстрировал приверженность ученых принципам академического интернационализма, показал, что обмен научной информацией и сотрудничество между исследователями разных стран выше политической конъюнктуры.

Общее впечатление от Конгресса выразил американский филолог У. Пош. В своей статье он написал: «Конгресс монголоведов был полным успехом, просветительским опытом и действительно выдающимся событием исторического значения» [Posch 1960: 247].

Первый Конгресс монголоведов-филологов стал для Монгольского Комитета наук важным шагом в выстраивании новой конфигурации научных коммуникаций и продемонстрировал его широкие международные связи по гуманитарным дисциплинам. При этом одновременно Конгресс высветил проблемы взаимодействия с советскими учеными, ослабление их сложившегося методологического влияния на гуманитарные исследования в Комитете наук. Эти обстоятельства способствовали скорейшей реализации выработанных Академией наук мер по укреплению связей монгольских и советских монголоведов.

Источники

Архив Российской академии наук (Архив РАН).

Sources

Archive of the Russian Academy of Sciences (Archive RAS).

Литература

- Алпатов 1996 — *Алпатов В. М.* Николай–Николас Поппе. М.: Вост. лит., 1996. 144 с.
- Бира, Пүрэвжав 2009 — *Бира Ш., Пүрэвжав Э.* (ред., эмхэт.). Олон улсын монголч эрдэмтний анхдугаар их хурлын тухай тэмдэглэл, дурсамж. Улаанбаатар: Бемби сан ХХК, 2009. 160 х.
- Бөхөө 2021 — *Бөхөө.* Социализмын үеийн Монгол, Хятадын түүх судлалын харилцаа: Ойлголцол ба зөрчил (1950-иад он) // Олон Улс Судлал. 2021. Vol. 44. No. 112. X. 108–122.
- Гольман 2004 — *Гольман М. И.* Монголоведение на Западе. М.: ИВ РАН, 2004. 344 с.
- Грунтов, Мазо 2015 — *Грунтов И. А., Мазо О. М.* Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным // Вопросы языкового родства. 2015. № 13/3. С. 205–255.
- Дворянков 1960 — *Дворянков Н. А.* Первый Международный конгресс филологов-монголистов // Вестник Академии наук. 1960. № 1. С. 63–65.
- История МНР 1983 — *История Монгольской Народной Республики.* Изд. 3-е, пер. и доп. М.: Наука, 1983. 661 с.
- Рерих 1960 — *Рерих Ю. Н.* Первый международный съезд монголоведов-филологов // Проблемы востоковедения. 1960. № 1. С. 237–240.
- Ринчен 1959 — *Ринчен Б.* Олон улсын монголч эрдэмтний анхдугаар их хурал // Соёл. 1959. № 4. X. 44–46.
- Ринчен 2009 — *Ринчен Б.* Олон улсын монголч эрдэмтний анхдугаар их хурал // Бира Ш., Пүрэвжав Э. (ред., эмхэт.). Олон улсын монголч эрдэмтний анхдугаар их хурлын тухай тэмдэглэл, дурсамж. Улаанбаатар: Бемби сан ХХК, 2009. X. 18–22.
- Ринчен 2016 — *Ринчен Б.* Албан захидал. Хурал зохион байгуулахтай холбоотой 1958–1959 онд явуулсан албан бичгийн эмхэтгэл / Ж. Цолоо (эмхэт.). Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг, 2016. 125 х.
- Санжеев 1960 — *Санжеев Г. Д.* Хроникальные заметки [О Первом международном конгрессе монголоведов-филологов] // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 145–147.
- Шагдарсүрэн 2019 — *Шагдарсүрэн Ц.* (Эмхэт.). Олон улсын монголч хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. 60 жилийн ойд зориулсан цомог. Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг, 2019. 216 х.
- Юсупова 2018 — *Юсупова Т. И.* Советско-монгольские научные отношения: становление, развитие и основные результаты. СПб.: Нестор-История, 2018. 311 с.
- Aalto 1989 — *Aalto P.* Glimpses from the First International Congress of Mongolists, 1959 // International Association for Mongol Studies Bulletin. 1989. No. 1 (3). Pp. 12–14.
- Bawden 1960 — *Bawden Ch.* Mongolia re-visited // Journal of the Royal Central Asia Society. 1960. Vol. 47. No. 2. Pp. 127–140.
- Bira 1989 — *Bira Sh.* 30 Years of the International Mongolistics // International Association for Mongol Studies Bulletin. 1989. No. 2 (4). Pp. 3–6.
- Posch 1960 — *Posch U.* Report on the First International Congress of Mongolists in Ulaanbaatar, September 1–18, 1959 // Central Asiatic Journal. 1960. Vol. 5. No. 3. Pp. 233–249.
- Rupen 1958a — *Rupen R.* Mongolian Nationalism // Journal of the Royal Central Asia Society. 1958. Vol. 45. Part II. Pp. 157–178
- Rupen 1958b — *Rupen R.* Mongolian Nationalism // Journal of the Royal Central Asia Society. 1958. Vol. 45. Part III–IV. Pp. 245–268.
- Rupen 1960a — *Rupen R.* First International Congress of Mongolian Philologist // Journal of

- Asian Studies. 1960. Vol. 19. No. 2. Pp. 236–237.
- Rupen 19606 — *Rupen R.* Outer Mongolia, 1957–1960 // Pacific Affairs. 1960. Vol. 33. No. 2. Pp. 126–143.
- Rupen 1964 — *Rupen R.* Mongols of the Twentieth Century. Part 1. Blumington, 1964. 510 p.
- Rupen 1979 — *Rupen R.* How Mongolia is Really Ruled. A Political History of the Mongolian People's Republic, 1900–1978. Stanford: Hoover Institution Press, 1979. 225 p.
- Tsegmid 1989 — *Tsegmid D.* Reminiscences of a Participant // International Association for Mongol Studies Bulletin. 1989. No. 1 (3). Pp. 8–11.
- Wolfe 2018 — *Wolfe A.* Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018. 312 p.

References

- Aalto P. Glimpses from the First International Congress of Mongolists, 1959. *International Association for Mongol Studies Bulletin*. 1989. No. 1 (3). Pp. 12–14. (In Eng.)
- Alpatov N. M. Nikolaj-Nikolas Poppe. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 144 p. (In Russ.)
- Bawden Ch. Mongolia Re-Visited. *Journal of the Royal Central Asia Society*. 1960. Vol. 47. No. 2. Pp. 127–140. (In Eng.)
- Bira Sh. 30 Years of the International Mongolistics. *International Association for Mongol Studies Bulletin*. 1989. No. 2 (4). Pp. 3–6. (In Eng.)
- Bira Sh., Purevzhav E. (eds., comps.) Articles and Memories of the First International Congress of Mongolian Studies. Proceedings of the Congress. Ulaanbaatar: Bembi San, 2009. 160 p. (In Mong.)
- Bohoo. Mongolian-Chinese Exchanges in History Studies during the Socialist Period: Mutual Understanding and Divergence (the 1950s). *Journal of International Studies*. 2021. Vol. 44. No. 112. Pp. 108–122. (In Mong.)
- Dvoriankov N. A. The First International Congress of Mongolists Philologists. *Vestnik Akademii Nauk SSSR*. 1960. No. 1. Pp. 63–65. (In Russ.)
- Golman M. I. Mongolian Studies in the West. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2004. 344 p. (In Russ.)
- Gruntov I. A., Mazo O. M. Classification of Mongolian Languages Based on Lexicostatistical Data. *Journal of Language Relationship*. 2015. No. 13/3. Pp. 205–255. (In Russ.)
- History of the Mongolian People's Republic. 3rd ed., corr. and add. Moscow: Nauka, 1983. 661 p. (In Russ.)
- Posch U. Report on the First International Congress of Mongolists in Ulaanbaatar, September 1–18, 1959. *Central Asiatic Journal*. 1960. Vol. 5. No. 3. Pp. 233–249. (In Eng.)
- Rinchen B. Collection of Documents, 1958–1959, on the Organization of Conferences. Zh. Zoloo (comp.). Ulaanbaatar: Soyembo Printing, 2016. 125 p. (In Mong.)
- Rinchen B. First International Congress of Mongolian Scientists. *Soyol*. 1959. No. 4. Pp. 44–46. (In Mong.)
- Rinchen B. First International Congress of Mongolian Scientists. S. Bira, E. Purevzhav (eds., comps.). Articles and Memories of the First International Congress of Mongolian Studies. Ulaanbaatar: Bembi San, 2009. Pp. 18–22. (In Mong.)
- Roerich Yu. N. The First International Congress of Mongolists Philologist. *Problems of Oriental Studies*. 1960. No. 1. Pp. 237–240. (In Russ.)
- Rupen R. First International Congress of Mongolian Philologist. *Journal of Asian Studies*. 1960. Vol. 19. No. 2. Pp. 236–237. (In Eng.)
- Rupen R. How Mongolia is Really Ruled. A Political History of the Mongolian People's Republic, 1900–1978. Stanford: Hoover Institution Press, 1979. 225 p. (In Eng.)
- Rupen R. Mongolian Nationalism. *Journal of the Royal Central Asia Society*. 1958. Vol. 45. Part II. Pp. 157–178. (In Eng.)
- Rupen R. Mongolian Nationalism. *Journal of the Royal Central Asia Society*. 1958. Vol. 45. Part III–IV. Pp. 245–268. (In Eng.)

- Rupen R. *Mongols of the Twentieth Century. Part 1.* Blumington, 1964. 510 p. (In Eng.)
- Rupen R. *Outer Mongolia, 1957–1960. Pacific Affairs.* 1960. Vol. 33. No. 2. Pp. 126–143. (In Eng.)
- Sanzheev G. D. Chronicle notes. On the First International Congress of Mongolists Philologists. *Problems of Linguistics.* 1960. No. 2. Pp. 145–147. (In Russ.)
- Shagdarsuren Z. (comp.). *The First International Congress of Mongolists Philologists. On the 60th Anniversary.* Ulaanbaatar: Soyembo Printing, 2019. 216 p. (In Mong.)
- Tsegmid D. Reminiscences of a Participant. *International Association for Mongol Studies Bulletin.* 1989. No. 1 (3). Pp. 8–11. (In Eng.)
- Yusupova T. I. *Soviet-Mongolian Academic Cooperation: Establishment, Development, Main Results (1921–1961).* St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. 311 p. (In Russ.)
- Wolfe A. *Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018. 312 p. (In Eng.)